

Беседуют заместитель главного редактора "Завтра" Андрей ФЕФЕЛОВ и эксперт Института стран СНГ Игорь ШИШКИН.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Игорь Сергеевич, тема нашей дискуссии формулируется так: Германия сегодня — жертва глобалистских авантур или доминирующий, самостоятельный субъект мировой политики? Первый тезис отражает мою позицию, второй — вашу.

Изложу свою точку зрения. За капитуляцию Германии в 1945 году (кстати, это уже её вторая капитуляция за XX век) последовало разделение на оккупационные зоны, а затем — фактическое расчленение.

Игорь ШИШКИН. Первоначально речь вообще шла о ликвидации германского государства.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Затем была проведена денацификация, причём в ГДР она была "с человеческим лицом", а в ФРГ выплилась в антропологический эксперимент, в рамках которого у целого народа пытались вытравить национальную идентичность. Этот процесс был системным и продолжался десятилетия. Собственно, формула "платить и каяться" относится именно к послевоенной Германии, причём идея вечного покаяния и коллективной ответственности, навязывавшаяся немцам в ФРГ, предполагала ответственность потомков за преступления нацистского режима.

Между тем подобная логика совершенно не укладывается в рамки классической либеральной доктрины, основанной на принципе атомарности личности и индивидуальной ответственности. Почему немцы, жившие в 1970-е, 1980-е и 1990-е годы, должны были выплачивать компенсации Израилю за преступления, совершённые поколением их дедов? Тем не менее этот механизм был внедрён и стал частью послевоенной политической реальности.

Игорь ШИШКИН. Здесь нет ничего принципиально нового. Разве в 1990-е годы не признавалась коллективная ответственность русских, не говорились о "генетически ущербном народе" и тому подобных вещах? Так что либеральная схема и подобный подход являются в этой логике нормой.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Да, тогда это называлось "словом матрицы", ещё советской. А немцам внушали стыд за то, что они немцы. В ФРГ, то есть в той части страны, где либералы проводили этот эксперимент, он оказался успешным. В целом это был общий либеральный тренд, но в Германии он прошёлся катком по немецкому сознанию, по национальному характеру, и, по сути, его перемолол и уничтожил.

Второй момент связан с так называемой прогрессистской повесткой. Евросоюз был рабочей моделью будущего всемирного государства, которое пытались выстроить глобалисты. Эта модель во многом напоминала лабораторию, где необходимо было обкатать различные технологии.

Некоторые страны в рамках этого процесса фактически выступали в роли лабораторных мышей. Достаточно вспомнить, что происходило в Швеции, какие технологии там внедрялись, включая ЛГБТ*-повестку и разнобразные практики, связанные с радикальной сексуальной либерализацией. Прогрессизм — это и массовое распространение различных наркотиков, в том числе легализация марихуаны, и энвайронментализм — идеология радикального экологизма, трактующая человечество как вредоносный элемент, своего рода плесень на челе матери-земли. Здесь речь идёт об экологизме не во имя человека, а против него. Эта установка стала своеобразным апофеозом зелёного движения и институционализировалась в виде влиятельных политических партий "зелёных", в том числе в Германии.

Всё это привело к социальным перверсиям и породило такие явления, как полиандрия. Если полигамия, при которой

у мужчины несколько женщин, хорошо известна в различных культурах, то полиандрия предполагает обратную модель, когда вокруг одной женщины сосредоточено множество мужчин, находящихся в зависимом, подчинённом положении. Разумеется, отдельные формы подобного поведения существовали и ранее, однако в Германии, особенно в её западной части, это явление приобрело характер устойчивой социальной практики. Таким образом, после фактического уничтожения немецкой идентичности при денацификации по стране прошёлся каток прогрессизма, особенно заметный с конца 1980-х — начала 1990-х годов.

А третьим мощнейшим ударом стала миграция. В Германии она началась ещё в 1950-е годы, когда туда постепенно стали прибывать турецкие рабочие. Впоследствии этот процесс приобрёл системный характер и превратился в организованный завоз мигрантов, являющийся частью глобалистских технологий, направленных на размывание национальных сообществ.

В то же время ряд стран Евросоюза сумели в значительной степени избежать подобного сценария. Например, Польша, несмотря на принадлежность к европейскому пространству, во многом сохранила статус своеобразного фронта. А по немцам этот эксперимент прошёлся катком.

Наиболее резонансные эпизоды, такие как события в Кёльне, где фиксировались массовые преступления, включая сексуальное насилие со стороны мигрантов или теракты с использованием грузовиков, стали символами этого кризиса. Однако если попытаться взглянуть на ситуацию более отстранённо и аналитически, можно представить и другого мигранта — благонамеренного человека, не склонного к насилию, стремящегося интегрироваться, создать семью, найти работу. Таких людей действительно немало. Но даже в этом случае они не являются носите-

известна, её избирательный список возглавляли представители ЛГБТ. Когда одному из представителей партии задали вопрос о том, как это соотносится с заявлениями о традиционных ценностях и с позицией альтернативы глобалистской повестке, последовал ответ, что гомосексуализм якобы является традицией немецкого народа. Я упоминаю это лишь для того, чтобы была ясна, о какой именно "традиционной системе" идёт речь.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Тем не менее мигрантские группы, особенно молодёжные, могут понадобиться глобалистам для контроля над аборигенным населением в случае начала массовых митингов и других политических акций. Кроме того, не исключено привлечение исламских группировок для силовых действий вне формально законных и юридически обоснованных преследований.

Всё это относится к третьему мощному удару по Германии как национальной, народной и хозяйственной системе, поскольку данные процессы взаимосвязаны и неизбежно усиливают друг друга. Завершающим элементом стал разрыв экономических связей с Россией, в результате которого Германия лишилась энергоносителей, а её экономика пошла на спад.

В итоге Германия приблизилась к состоянию глубокой депрессии. Даже если глобалисты в собственных интересах попытаются реанимировать немецкий дух, прибегая к символическим жестам, это не приведёт к восстановлению германской народности в обозримой перспективе. Для подобных процессов требуются годы.

Мой вывод заключается в том, что Германия в настоящее время полностью лишена

звучит не совсем точно, поскольку там ставится вопрос о том, является ли Германия жертвой либерального глобализма или же доминирующим, самостоятельным субъектом мировой политики. Я считаю, что Германия действительно является жертвой либерального глобализма и в настоящий момент не выступает в качестве доминирующего самостоятельного субъекта. При этом я неоднократно говорил и продолжаю утверждать, что Германия строила, строит и будет пытаться строить "четвёртый рейх". Это принципиально разные вещи. Она пока не является полноценным субъектом, однако последовательно стремится к этому статусу.

Теперь, насколько это возможно, пройдемся по пунктам. Вы говорили о том, что на территории Западной Германии была проведена жёсткая денацификация, в ходе которой целенаправленно вытравливалось национальное самосознание, и это действительно факт.

Силы, заинтересованные в том, чтобы немцев не существовало как народа, вполне понятны, как понятны и причины ненависти к немцам. Напомню, что план, продвигавшийся не каким-то маргинальным профессором, а министром финансов США Генри Моргентау, предлагал в числе прочего стерилизацию всех немецких мужчин. Его автор считал себя гуманистом.

О том, что подобные установки в той или иной форме сохраняются и сегодня, я убедился не так давно, давая большое интервью американскому журналисту. В ходе этого разговора стало очевидно, что он жалеет лишь об одном — о том, что Франклин Рузвельт и Иосиф Сталин всё же не договорились и что всех немцев не уничтожили.

Однако возникает вопрос, происходило ли такое с немцами

нансовых центров Германии, Соединённых Штатов и Британской империи приняли решение о том, чтобы Гитлер стал рейхсканцлером и приступил к реализации своей программы. При этом он не скрывал своих целей, включая позицию по еврейскому вопросу, и это их вполне устраивало. Поэтому здесь невозможно игнорировать роль глубинной власти.

Андрей ФЕФЕЛОВ. То, что Гитлера выращивали как силу, которая должна пойти на восток, логично.

Игорь ШИШКИН. Важно отметить, что в 1920-е и 1930-е годы такая идеальная для крупного капитала система управления обществом, как парламентская демократия, дала сбой. Её дальнейшее развитие грозило тем, что, используя демократические механизмы, к власти придут коммунисты — злейшие враги олигархов, и это к тому моменту назревало практически повсеместно.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Тогда возникает закономерный вопрос: что же произошло после Второй мировой войны, в результате чего демократия вновь стала устраивать этих людей — денежных мешков?

Игорь ШИШКИН. Они нашли способ контроля через общество потребления. За счёт неокolonиального ограбления периферии удалось подкормить электорат (кто-то скажет "плебс") и тем самым создать иллюзию всеобщего процветания.

А денежные мешки разве куда-то исчезли? Нет, они остались в новой системе. А разве не существовало всех этих германских, условно говоря, милитаристов и патриотов? Нельзя сводить всё к одному знаменателю. Всегда действует множество

сил одновременно, и любое действие является результатом их сложения и вычитания. Либеральный глобализм, разумеется, существует, как и порождающая его среда. Сошлюсь здесь на теорию малого народа Игоря Ростиславовича Шафаревича и на теорию антисистем Льва Николаевича Гумилёва.

Либеральный глобализм и сегодня остаётся мощной силой, однако существуют и другие силы, которые действуют в Германии и действовали там ранее. Германский правящий класс не подвергался денацификации, но оказался проигравшим в Западном мире и лишился финансовых потоков. Именно поэтому он с самого начала ведёт борьбу за возвращение на ведущие позиции. Аденауэр совершенно сознательно идёт на уступки американцам: немцы посылают голову пеплом, признают Холокост, им говорят, что они ни в коем случае не должны соединяться с Австрией (то есть окончательно закрепляется разделение немецкого народа), и на это они соглашаются.

Единственное, на что Аденауэр не соглашается, — это признание восточных границ, причём не только Федеративной Республики Германии, но и Германской Демократической Республики, включая границу с Польшей и нашим Калининградом. Ставка делается на то, что Германия продемонстрирует свою лояльность буржуазному миру, будет платить и выполнять навязанные условия, тем более что платил в основном плебс; и постепенно правящий класс восстановит германское государство как инструмент, который вновь сможет решать его задачи.

И в итоге они добиваются своего: сначала после 1945 года германского государства не существовало, затем Соединённые Штаты приходят к выводу, что без немцев воевать с Советским Союзом некому, и разрешают создать германское государство — ФРГ. Разрешают восстановить армию и укомплектовать офицерский корпус в основном бывшими офицерами вермахта и СС. Эсэсовцев, разумеется, формально скрывают, но всем было хорошо известно, кто есть кто.

Это делалось совершенно сознательно. Немцы в это время активно подыгрывали, в том числе англичанам, в расчёте на то, что Соединённые Штаты вступят в войну с русскими и Германия за счёт этого вернёт всё то, что было потеряно. И это не было ноу-хау Аденауэра. Подобная логика существовала уже в конце Второй мировой войны, во время знаменитого заговора против Гитлера.

Идея была следующей. Устраняется Гитлер как жуел и как фигура, с которой никто не желает иметь дело. Появляется новая власть, внешне демократическая и цивилизованная. Эта власть капитулирует перед Западом и совместно с Западом продолжает войну на Востоке. По сути, в несколько иной форме именно это и реализовывалось в курсе Аденауэра.

Через некоторое время выяснилось, что этот курс дал положительные результаты. С Германии было снято большинство ограничений — сначала в экономике, затем в военной сфере. Её приняли в НАТО. Армия получила возможность официального развития. Обратите внимание: у японцев подобные ограничения сохранялись гораздо дольше и формально существуют до сих пор, тогда как у немцев на сегодняшний день не осталось ни одного. Последнее

ограничение было снято в прошлом году, при Фридрихе Мерце.

Однако американцев развести не удалось, войны не произошло. И тогда возникает вопрос: что представляет собой Германия, которую принято считать совершенно несамостоятельной? Да, она зависима, на её территории размещены иностранные военные базы. Да, немецкие канцлеры регулярно ездят и подписывают некие обязательства, содержание которых никто не видел, но принято считать, что они существуют и сводятся к клятвам следовать указаниям Белого дома.

Только при этом происходит резкий поворот внешней политики в период Вилли Брандта и Гельмута Шмидта на восток, формируется курс на сближение с Восточной Европой и Советским Союзом, появляются те самые газопроводы. Американцы, кстати, были против, но это не помешало немцам построить эти газопроводы и проводить новую внешнюю политику, ориентированную на сотрудничество с Советским Союзом.

Новый курс на восток был ориентирован не только на развитие экономического сотрудничества за счёт поставок дешёвых энергоносителей, но и на подготовку почвы для объединения Германии, точнее, для поглощения ГДР через дружбу с Советским Союзом. Сегодня практически все признают, что именно эти энергоносители сыграли колоссальную роль в подъёме немецкой экономики, которая к концу 1980-х и началу 1990-х годов стала одной из самых мощных экономик Европы. Было ли это так? Да, безусловно, было.

И как только Советский Союз в рамках этой дружбы и разговоров об общеевропейском доме начал воспринимать происходящее как стратегическое сближение, Германия стала активно

продвигать саму идею общеевропейского дома, настойчиво и последовательно. Возникает вопрос: делали ли немцы это исключительно по принуждению или в собственных интересах? И здесь нельзя исключать оба варианта, поскольку нередко действия совершаются одновременно и под давлением, и в расчёте на собственную выгоду.

Приведу пример. Во Вторую мировую войну Венгрия была зависима от Германии? Была. Румыния была зависима от Германии? Была. Но пошли ли они воевать на восток только потому, что их загнали силой, или потому, что, используя Германию, они рассчитывали решить собственные венгерские и румынские проблемы? Вассал всегда стремится использовать сюзерена для решения своих задач, а сюзерен, в свою очередь, старается не допустить этого и заставить вассала работать исключительно на его интересы. В результате возникает сложное и противоречивое переплетение мотивов.

Так вот, новый курс на сближение с Советским Союзом и Россией действительно существовал и продолжался вплоть до Меркель. Этот курс во многом обеспечил экономическую мощь Германии. А затем произошёл резкий разворот к конфронтации — и этот разворот был далеко не просто следствием прямых указаний со стороны Соединённых Штатов.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Указывали не США, а глобалистский Синдикат, под оккупацией которого были тогда американцы, как и страны Европы сейчас.

Игорь ШИШКИН. Да, но у американцев существовал собственный интерес. Я согласен с тем, что Европейский союз можно рассматривать как модель глобального государства. Вопрос заключался в том, кто станет центром этого нового мироустройства: Соединённые Штаты или Европейский союз? Обратите внимание, что в рамках ЕС до сих пор фактически отсутствуют внешние границы. Это структура, которая потенциально может расширяться сколько угодно, охватывая весь мир. В этом смысле она действительно выступает как универсальная, наднациональная конструкция.

После краха Советского Союза сформировался пул сверхкрупных финансовых групп, источником богатства которых стали уже не ресурсы отдельных стран или регионов, а ресурсы всего мира. Именно ему потребовалась новая модель, устраняющая государственные границы, религиозные различия и иные традиционные формы разграничения. Либеральный глобализм идеально соответствовал этому этапу развития капитализма.

Поэтому я и утверждаю, что либеральный глобализм является идеологией вышей на сегодняшний день стадии капиталистического развития. На этом уровне Германия, Франция и другие государства уже перестают быть самостоятельными величинами и превращаются во второстепенные элементы. Сама эта группировка представляет собой то, что можно назвать "спрутом": ядро составляют крупнейшие финансовые центры, к которым примыкает идеологический и институциональный контур. Однако реализовать этот проект в полной мере им не удалось. Помните, в 2019–2020 годах звучали заявления о том, что "новый мир" окон-

ХИТРЕЙШИЙ